

Н.Гурина-Корбова

**Разнообразные
истории**

МОСКВА 2016 год

Жизнь и судьба (Горизонт)

Наталья Гурина-Корбова
Разнообразные истории

«ИП Каланов»

2016

Гурина-Корбова Н. К.

Разнообразные истории / Н. К. Гурина-Корбова — «ИП Каланов», 2016 — (Жизнь и судьба (Горизонт))

Я не профессиональный писатель, но желание высказать на бумаге свои мысли и свои фантазии, подвигает меня много лет братья за перо, а теперь- садиться за компьютерную клавиатуру. В этом сборнике и рассказы, и повесть, и новелла, и сказка – всё это истории. Истории разные и по времени написания, и по размеру, и по событиям, и по годам или часам, которые проживают мои герои, и даже по странам и эпохам. В общем, настолько разные и разнообразные, что я решила, не мудрствую лукаво, так и назвать сей сборник " Разнообразные истории".

© Гурина-Корбова Н. К., 2016

© ИП Каланов, 2016

Содержание

Вместо предисловия	5
Голубой помпон	6
Долгожитель	12
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Наталья Гурина-Корбова

Разнообразные истории

Вместо предисловия

Я не профессиональный писатель, но желание высказать на бумаге свои мысли и свои фантазии, подвигает меня много лет браться за перо, а теперь – садиться за компьютерную клавиатуру. В этом рассказы, и повесть, и новелла, и сказка – всё это истории. Истории разные и по времени написания, и размеру, и по событиям, и по годам или часам, в которых проживают мои герои, и даже по странам и эпохам.

В общем, настолько разные и разнообразные, что я решила, не мудрствую лукаво, так и назвать сей сборник " Разнообразные истории".

Ваша Наталья Гурина-Корбова.
Москва, февраль 2016 год

Голубой помпон Банальная история

Час пик. Двойной автобус, как большой, жирный удав, поглотив всех добровольно жаждущих попасть в его чрево, медленно откатился от остановки. Лариса кое-как пробралась к кассе на задней площадке. Стоять было неудобно, держаться не за что, к тому же в обеих руках, как всегда, она держала наполненные продуктами сумки. Приходилось каждый раз по пути с работы заходить в ближайший магазин, закупать всё необходимое, чтобы потом уже никуда не выходить из дома: дел была уйма. "Вот и опять пятница, – подумала Лариса, – девочки, должно быть, уже дома. Старшая Катя кончала 10-ый класс; оставалось полгода, и занималась она уже нехотя. К тому же и мальчик этот, с которым Катя неожиданно подружилась, сейчас так некстати... Вот и Машка стала ученицей. Как с ней тяжело! Нет, Катя была не такая, Катя слушалась, понимала, что уроки надо учить, хочется или не хочется... Конечно, с Катей было проще. Просто спокойнее... А Машка? Упрямая, всегда всё на своём поставит. Даже Игорь с его «педагогическими» талантами не выдерживает. И куда девается его обычный, менторский, нудный тон?.. А вчера?! Как он кричал вчера! Казалось, посуда вдребезги разлетится – так стенка тряслась, – это он Машке «мозги вправлял». Ну, вправил, как же! Она спокойно повернулась и пошла, якобы в туалет. Это её безотказный приём. Н-да, а ведь это только первый класс! Нет. С Катей было гораздо проще...

– Следующая остановка "Магазин «Оптика», – хриплый голос водителя, видимо, порядком уставшего за день объявлять одно и то же, прервал Ларисины мысли. «Надо пробираться к выходу, – подумала она, – а то и сегодня проеду в этой несусветной толчее остановку и не

закажу Машке очки». Вылезать из автобуса было трудно. Да и потом в него не влезешь, придётся две остановки до дома пройти пешком, а сумки такие опять тяжёлые! И чего сегодня столько набрала? Игорь ведь улетел в командировку...

Всё-таки выбравшись, Лариса почувствовала необычайную лёгкость человека, каким-то чудом уцелевшего в этом транспортном аду. Она поправила ушанку, съехавшую набок и... Ну вот, оторвался помпон на пальто.

В прошлую зиму, когда Лариса впервые увидела на московских модницах эти импортные пальто "с ламой", ей вдруг так захотелось такое же. А помпоны! Эти пушистые мягкие шарики так удивительно напоминали детство! У подружки Леночки из соседней квартиры были такие голубые помпоны на шапочке, они как два голубых цыплёнка смешно болтались на скрученных шнурочках – детская мечта Ларисы. Смешно... и вот теперь, через тридцать лет мечта эта осуществилась!

Лариса сняла почти всё накопленное с книжки (знал бы Игорь!), чтобы купить это самое пальто... А нужны – то ей были всего-навсего эти помпоны! Целую неделю Лариса ходила в новом пальто, да нет, не ходила, а воображала, посматривая на своё отражение в витринах магазинов, аптек, ателье, окнах домов, как глупая девчонка. И вот на тебе, эти проклятые автобусы! Она запихнула второй, уцелевший помпон за воротник. Впереди через скверик сияли огромные рекламные буквы «Оптики». Лариса чуть прищурила глаза, от этого буквы слились, и от них побежали в разные стороны тысячи голубеньких лучиков. «Оптика» превратилась в целую вереницу взявшихся за руки огромных звёзд. Лариса очень любила ещё с детства щурить глаза вечером в темноте, особенно зимой, каждый раз вспоминая детскую поговорку «Прищурь глазки и увидишь сказку». Она и девочек своих научила видеть эту самую зимнюю сказку.

Вечер был превосходный. Снег похрустывал под ногами, искрился мириадами волшебных алмазиков, переливался, и усталость дня, и все предстоящие заботы как-то сами собой отошли на второй план. На душе у Ларисы посветлело. Да, Кате 16 лет и, что ж тут удивительного, что ей интереснее ходить до полуночи с этим долговязым мальчиком, чем сидеть за математическими задачками или выяснять роль Платона Каратаева в Отечественной войне 1812 года! Сама-то, сама Лариса ведь тоже вышла замуж сразу после школы, на первом курсе института...

Игорь преподавал у них в институте физику, ухаживал он недолго. Ему было некогда ухаживать – он писал диссертацию. И Лариса, неожиданно для всех, в конце 1-го семестра, под Новый год объявила, что выходит замуж. Мама сначала удивилась, погрустнела, но быстро успокоилась от этой неожиданности. Она воспитывала дочь одна, и вся сентиментальность её уже давно улетучилась под натиском материальных трудностей. Ей так хотелось, чтобы дочери жилось легче, богаче. Наверное, поэтому она так быстро и согласилась на брак Ларисы и Игоря. Ничего, что он был старше, зато преподаватель, скоро будет кандидатом. Неудивительно, что дочка влюбилась – Игорь был и собой не дурён: высокий, статный, и очень, очень интеллигентный... Правда, видела она жениха до свадьбы только один раз, когда Лариса и Игорь подали заявление в ЗАГС и пришли с бутылкой Шампанского и цветами сообщить ей эту радостную новость. Оба просто сияли от счастья.

А не знала мама того, что дочери просто хотелось поскорее вырваться из этой нудной, экономнопрактичной домашней атмосферы, когда на учёте каждая копейка, когда вечерами приходится зашивать драные колготки, а вместо сливочного масла класть в кашу пластилиновый маргарин... А две, всегда уставшие, по пустякам ругающиеся женщины, мама и бабушка, поддерживали, как могли, тлеющие угли семейного очага... Мужчин в семье у них не было. Ларисе хотелось жизнь свою построить совсем по-другому. Ещё тогда она твёрдо решила, что если выйдет замуж, сделает всё для того, чтобы муж её любил, чтобы её дети никогда с завистью не смотрели на «чужого папу».

Игорь с Ларисой жили, как все считали, прекрасно. Сразу же после скромной свадьбы, Лариса переехала в большую трёхкомнатную квартиру мужа, доставшуюся ему от бабушки. Он скоро защитился, и его пригласили работать в закрытую лабораторию большого НИИ. Игоря стали посылать в заграничные командировки, Лариса спокойно окончила учёбу в институте, а через три месяца после защиты диплома, на свет появилась маленькая Катя. Потом, немного поработав, Лариса решила, что пора подумать и о наследнике, но опять родилась девочка, родилась Машка. Игорь несколько не огорчился. Девочки очень любили отца, а он любил Ларису. Любила ли она Игоря? Об этом она не думала... Жизнь получалась такой, какой она её себе и намечтала.

В магазине "Оптика" народу почти не было: два человека стояли в кассу, да какая – то грустная старушка сидела на диванчике, видимо ожидая свой заказ. Лариса подошла к окошечку отдела заказов, и, никого там не обнаружив, с досадой подумала, что почему – то никогда не бывает так, чтобы всё получалось быстро – или очередь, или нет приёмщика. Всегда и везде стой и жди. Но к её удивлению стоять пришлось недолго. Через минуты две, откуда – то из-за зеркального шкафа появился провизор. На вид ему было за сорок. Чувствовалось, что он очень следит за собой. Под белоснежным халатом выглядывала светло – голубая сорочка и в тон ей галстук.

– Я вас слушаю, – автоматически вежливым голосом произнёс он. Лариса подала рецепт и пустую оправу.

– Пожалуйста, вот. И... я вас очень прошу, нельзя ли побыстрее: дочка разбила очки, а других, запасных у нас нет...

Провизор поднял глаза и внимательно посмотрел на Ларису. И это почему-то смутило её. Ей показалось, что она даже покраснела. Он ещё раз пробежал глазами рецепт. Руки у него были крупные с длинными пальцами и коротко остриженными, ухоженными ногтями, отметила она про себя. Неопрятность в Игоре всегда её ужасно раздражала. «Зачем я сравниваю Игоря с посторонним человеком?» Стало как-то неловко.

– Минуточку, я сейчас узнаю, – как бы раздумывая над чем-то, ответил продавец и опять скрылся за зеркальным шкафом. «Там, очевидно, была дверь в другое помещение», – догадалась Лариса. – «Странное чувство. Будто я знаю этого мужчину давным-давно, и голос его, и манеру разговаривать...» Она принялась разглядывать в стеклянной витрине аккуратно разложенные ряды очков в ужасно уродливых оправках, с линзами каких – то невероятных диоптрий. «Интересно, кто-нибудь когда-нибудь покупает то, что лежит на витрине?» Магазин этот открылся всего полгода назад, очки заказывал и себе, и Маше всегда муж, и выглядели они довольно сносно... «Может быть, он живёт недалеко от нас?» – мысли её опять вернулись к продавцу.

– Минут через пятнадцать всё будет готово, оказывается, у нас есть такие стёкла. Вам придётся немного подождать.

– Да-да, конечно, я подожду, – поспешно ответила Лариса и почему-то улыбнулась. Она отошла, ища куда-бы ей примоститься со своими сумками. Старушка на диванчике засуетилась, зачем-то подвинулась, хотя места было достаточно. Лариса поставила на диванчик сумки.

– А сама – то, милая, чего ж не сядешь? Сумки-то и на колени можно... Поди, устала за день? Хоть и молодые, а достаётся вам! – старушка захохала, как – будто от этого её оханья «молодым» сразу становилось гораздо легче. Лариса опять подумала о новом пальто: сумки на колени! Святая простота!

В это время продавец окликнул старушку, она поднялась и, получив заказ, ушла, при этом, не забыв со всеми попрощаться. Лариса теперь свободно села на диванчик. Она проводила глазами сердобольную старушку, и взгляд её невольно остановился на продавце, который что-то писал сидя за прилавком. Внезапно, он, словно почувствовав её взгляд, поднял глаза и тоже посмотрел на Ларису. Взгляд его был долгий, пристальный, но не тяжёлый. От его глубоко

посаженных, бархатистых глаз исходила какая – то теплота, участие, и в то же время казалось, он старается что-то вспомнить.

Михаила Борисовича, действительно, чем – то заинтересовала эта ещё молодая женщина. Он была довольно милостивая, даже очень (хотя о покупательницах он обычно так бы не сказал – они для него все были на одно лицо). Магазин через полчаса закрывался, народу было мало, и его почти не отвлекали. Женщина сидела, придерживая одной рукой сумки, а другую положив на колени. И эта обыденная поза была до того естественна и спокойна, даже грациозна, что он невольно залюбовался. Казалось, сидеть так она сможет всю жизнь. Видно было, что она устала, но в выражении её лица не было той обречённости и безразличия ко всему окружающему, которые бывают у женщин измученных хозяйскими делами. Красивой её не назовёшь, разве что, брови. Брови поражали своей естественностью, совсем не модные, не выщипанные, а удивительно густые и правильной изящной формы, отчего небольшие глаза её казались очень выразительными. «Ничего особенного», – подумал он, но сейчас же поймал себя на том, что опять смотрит в её сторону. – «Да, конечно, как это он сразу не сообразил? Эта женщина поразительно похожа на Марину»!

Марина была его первой любовью, самой необыкновенной девушкой... Тогда оба они ещё были так молоды, студенты. Он учился в Первом меде, а она на журфаке в МГУ. Сколько стихов они перечитали друг другу, на какие только выставки не бегали, отстаивая километро-вые очереди! Ни одну знаменитость, приехавшую в Москву на гастроли, не пропускали. Зал Чайковского, Консерватория, Политех и театры, театры, театры... Михаил Борисович делил людей на тех, кто «летает» и тех, кто «ходит». Марина «летала». Её очаровывало всё, причём всё сразу и до мелочей... Когда она была рядом, мир превращался в реальную сказку, от неё исходило какое-то внутреннее сияние восторженности, радости и доброты, вокруг неё прекрасно было всё... И вот через столько лет!... Случайная женщина, похожая на Марину... Абсурд... "А может быть попросить у неё номер телефона, сказать, что очки будут готовы завтра – послезавтра и что он сам ей позвонит?" – всё очень просто, почему бы и нет?

Ларисе отчего-то вспомнилось, что когда она училась ещё классе в девятом, просто бредила, тогда очень популярным, французским киноактёром Аленом Делоном. Смотрела все фильмы с его участием, посвящала ему стихи, и с большим трудом достав его фотографию, повесила её над своим письменным столом. Она подолгу могла смотреть в эти тёмные с пушистыми ресницами глаза, которым доверяла все свои девчоночьи тайны, и сердце замирало от ожидания чего – то непременно радостного, таинственного, необыкновенного. Однажды в гости приехал двоюродный брат – студент из Харькова. Посмотрев критически на фотографию, он небрежно спросил: "Это что, твой парень?" – и одобрил выбор. Ларисе стало очень смешно, но разуверять его она не захотела. Конечно, ничего общего у этого, уже немолодого мужчины, со звездой французского кинематографа не было, но почему – то так же, как и тогда, хотелось смотреть и смотреть в эти такие же, как в юности, казалось, всё понимающие глаза. Черты лица его не были крупными, рельефно выделялись, пожалуй, только полные чуть изогнутые губы. И губы эти, казалось, вот- вот улыбнутся, и было даже как – то невозможно представить, чтобы эти губы могли сердиться, кричать или вообще ругаться.

Казалось, что с таким ртом человек способен только улыбаться или молчать. Глаза были глубоко посажены, и тёмные круги вокруг них производили впечатление какой-то затаённой грусти, печали, а может быть, и какого-то только ему одному известного сокровенного переживания. И это несоответствие улыбающегося рта и грустных глаз делало лицо его удивительно добрым и беззащитным. Лариса поймала себя на том, что просто рассматривает его, и это происходило, как ей показалось, уже слишком долго и неприлично. Она перевела взгляд на как будто заинтересовавший её рекламный плакат. На плакате были изображены юноша и девушка непонятно чему обрадовавшиеся: то ли встрече друг с другом, то ли тому, что им, наконец, удалось достать красивую оправу для очков. Невольно Лариса улыбнулась.

Михаил Борисович женился поздно, и можно сказать скоропалительно, буквально через две недели после знакомства. Лиля «не летала» никогда. Она твёрдо ходила по земле, но это ничуть не умоляло её необъяснимой притягательности, она была уверенной в себе, умной и очень красивой, эффектной женщиной. Поначалу её «твёрдая поступь» совсем немного раздражала Михаила Борисовича, потом стала просто бесить. В его жизни стали появляться другие женщины, ему казалось, что ещё что-то можно изменить, душа куда – то ещё рвалась, он попытался даже разыскать Марину. Оказалось, что она уже давно переехала с мужем в Штаты, который работал там в нашем посольстве "Всё-таки Марина улетела", – усмехнувшись подумал он тогда. Лет десять назад он даже хотел уйти совсем, но Лиля разыграла настоящую трагедию, грозила отравиться, заклинала его именем сына, которого Михаил Борисович безгранично любил. И он остался. Остался и окончательно перестал «летать». Постепенно жена приобщила его к своему образу жизни, к своему взгляду на отношения между людьми, к своей философии твёрдо идущего по земле человека. Он перешёл из поликлиники на «работу со связями», стал управляющим аптекой и, вот теперь уже несколько лет был директором магазина «Оптика». В этот район магазин перевели недавно. Район был престижный, а «зрение у людей всегда нуждается в помощи», как говорила его жена... Он по – прежнему ей изменял, но теперь смотрел на женщин, как на что – то проходящее и, ни в одной из них не видел той, ради которой стоило бы круто изменить всю свою жизнь. Он устал... И вот эта, совсем незнакомая, случайная женщина, покупательница, клиентка... просто глупо, чушь какая – то!

Что-то в нём дрогнуло, защемило. Так случается, если неожиданно услышишь когда-то любимую и, казалось, уже навсегда забытую мелодию... "А волосы у неё должно быть русые, хотя под шапкой не видно, и пахнут они не французскими духами и всякими лаками, а пахнут они ветром, снегом, просто юностью... Чёрт возьми, ведь через неделю мне стукнет пятьдесят!" Лариса вдруг поняла, что ей совсем не хочется, чтобы Машкины очки были готовы так быстро и, лучше бы ещё подождать или прийти завтра. Она видела, что мужчина тоже смотрит на неё, и это не простое любопытство. Это что-то совсем другое, может быть даже никогда ей не ведомое, пугающее и в то же время, влекущее чувство. "Господи, что же это со мной творится? Муж уехал в командировку, а я уже и на других мужчин начала обращать внимание," – но мысль эта не показалась ей жуткой, а просто какой-то постулирующей, дежурной. Она почувствовала, что, скорее всего, ждёт совсем не очки, а ждёт, чтобы этот чужой, совсем чужой мужчина сказал ей что-то обычно банальное, вроде «я провожу тебя», или «я позвоню тебе», будто они давным-давно знакомы, и будто он ЭТО и именно ЭТО, должен был ей сказать.

"Надо всё-таки взять номер телефона, – Михаил Борисович постучал пальцами по столу, – пятьдесят это же не сто! Она замужем, наверное, ну и пусть. Какая разница? Может быть, это последний подарок жизни, может быть это то, что мне с самого начала было предопределено судьбой, – он почувствовал такое знакомое и такое забытое сердцебиение, – вот сейчас же и спрошу..."

– Михаил Борисович, вас к телефону. Жена, по-моему, – из-за зеркального шкафа выглянула хитрая мордашка совсем молодой девушки в белом халатике. Он поднялся и не спеша направился к телефону.

– Аллю, слушаю.

– Миша, это я...

– Да-да-да, я слушаю, Лиля! Ну, что случилось? Что случилось? Лиля, что случилось? – нетерпеливо и раздражённо переспрашивал он, не давая ей ничего сказать.

– Миша, ты понимаешь, надо срочно достать итальянскую оправу для тётки Элика... – начала Лиля своим звонким голосом,

– Господи, какого ещё Элика? – Михаил Борисович никак не хотел «пробуждаться».

– Как какого? Ты что забыл? Элик – это наш сосед сверху, тот, что доставал нам плитку в ванную. У него связи в «Сантехнике» на Ленинском. Это обязательно, зайчик, надо сделать!

И ещё, ты звонил Марку Соломоновичу? Он обещал мне билеты на Пугачёву, очень нужно, это для...

– Да... звонил, – уже вяло перебил он жену, – сказал, что достанет на пятое четыре билета. Всё? Лиля, мне некогда, Тамара заболела, и мне пришлось её сегодня подменить. У меня очередь. Сегодня очень много народу. Дома обо всём поговорим. – Михаил Борисович положил трубку и почувствовал, как ноги его отяжелели и обрели опять невероятную устойчивость. Он взял за дужки уже готовые очки, покрутил их на пальце, медленно прочитал рецепт «Кузнецова Маша. 7 лет», и про себя продолжил, – "Да, дети... а у меня скоро внуки будут. Летать-таки, пожалуй, поздно... Мало ли, кто на кого похож. Старый осёл, да ей-то от тебя нужны только очки и побыстрей."

Михаил Борисович вышел в зал и громко спросил, хотя в зале кроме Ларисы, уже никого не было:

– Кто тут ждёт очки для Кузнецовой Маши?

Получите, пожалуйста!

Лариса вышла из магазина. Стеклянные двери, словно крылья гигантской бабочки, помехали ей вслед. – Мечта... – почти вслух произнесла она, с грустью посмотрев на болтающийся такой хорошенький, только совсем уже ненужный помпончик и оторвала его. Потом, улыбнувшись и поцеловав на прощание, бросила в темноту, в ночь, в неизвестность... «И глаза-то у Алена Делона совсем не карие, а голубые-голубые...»

Навстречу ей прошли юноша и девушка, о чём-то громко разговаривая. Затем, толкаясь и смеясь, они начали обсыпаться снегом...

1985г

Долгожитель Немного невесёлая история

День выдался жаркий, неуместно солнечный, даже весёлый. На кладбище народу было немного. Нина шла вместе со всеми прибывшими по аллее задумчивых деревьев, где в раскидистых густо – зелёных кронах неутомонно щебетали, хлопотали о появившемся потомстве немногочисленные городские птички, которым тут особенно привольно жилось и пелось. От строгой череды старинных, скорбно покосившихся памятников с массивными крестами, и совершенно заброшенных, заросших высокой беспутной травой холмиков, от всего этого исходило ощущение такого спокойствия и отрешения от вечно суетливой, земной жизни, что если бы не горький, пронизывающий своей болью смысл пребывания в этом московском оазисе тишины и покоя, Нина призналась бы себе в том, что ей даже нравится бывать на кладбище, медленно прогуливаясь по его тенистым ухоженным дорожкам, где никто не кричит, не смеётся, не ругается, где сердце обыкновенно замирает, а мысли обволакивает естественная грусть.

Вот и не стало её тётки Маши, Марии Александровны... Сколько себя помнила Нина, столько она помнила и тётю Машу, сестру её матери, всегда подтянутую, энергичную, ярко-

красивую. Помнила её смех глубоким, грудным голосом, чуть-чуть грубоватым от долгого курения, помнила её серьёзный, умный, подчас строгий взгляд, но никогда не злой.

Молодой, коренастый, в современной голубой куртке и джинсах могильщик уже закончил свою привычную работу, аккуратно подравнивая лопатой холмик. Он с силой воткнул в его изголовье железную крашенную табличку с надписью «Полонская Мария Александровна, 1915–1985 г.», и удовлетворённо, ещё раз посмотрев на результаты своего труда, стал высматривать самого внушительного родственника, чтобы получить добавочную «благодарность». Наконец, выбрав с его точки зрения такого, высокого и плотного мужчину, парень поспешил к нему. Что-то, серьёзно объясняя и, по всей видимости, жалуясь на плохой грунт, слишком маленькую площадь, слишком большой гроб и ещё какие-то непредвиденные, неимоверные трудности, которые он «чудом преодолел».

Парень, получив к явному своему сожалению всё же не то, то есть не столько, сколько ожидал, недовольно цыкнув зубами и засовывая это «не то» в задний карман джинсов, нехотя удалился.

Родственники окружили ограду с трёх свободных сторон, устало и уже рассеянно наблюдали, как внутри её копошилась маленькая, худенькая женщина. Она единственная, кто была вся в чёрном, и даже голову её покрывал, ранее обязательный в таких случаях, чёрный кружевной платочек. Это была Зинаида – племянница Ивана Мартыновича Полонского, мужа покойной. Зинаида была верующая и, раскладывая цветы по особым правилам на свежем холмике, творила ещё какие-то, очевидно, необходимые действия. Сам Иван Мартынович сидел в тенёчке, на лавочке у соседней не огороженной могилы и, опираясь подбородком на массивный набалдашник деревянной палки, смотрел прямо перед собой невидящими глазами. Вчера у него был страшный приступ радикулита и сегодня он, наглотавшись анальгина, еле-еле приехал «проводить

Машу в последний путь».

Нина стояла и тоже наблюдала за суетящейся Зинаидой. На душе было пусто, а перед глазами почему-то виделась молодая тётя Маша в красивом пёстром шарфике или, как тогда пятилетняя Ниночка говорила, «в красивом талфике». Этот «талфик» так и приклеился к маленькой племяннице и даже, когда Полонские пришли на Нинину свадьбу, то, обнимая и поздравляя Нину, тётя Маша не преминула сказать: – Надо же, вот и наш «талфик» вырос! Боже мой, как же летит время...

– А коронки, коронки сняли? – тихий, шипящий голос вернул Нину к действительности. Нина обернулась и поняла, что это обращаются к ней. Спрашивала узколицая немолодая женщина, с очень тонкими губами, совершенно неуместного яркокрасного цвета. Нине показалось, что изо рта её сейчас появится жало, и она вздрогнула.

– Я не поняла, что Вы говорите, извините?

– Я спрашиваю, коронки у Маши сняли, коронки? – повторила она, – у неё же коронки золотые! Надо же было снять, какое легкомыслие! Ведь теперь всю могилу ночью перероют. Вы видели этого могильщика? Он уже всё продумал... У неё же две коронки золотые! – женщина (эта же родственница Ивана Мартыновича – вспомнила Нина) собиралась, видимо, ещё что-то объяснить, но Нина посмотрела на неё такими непонимающими, полными ужаса глазами, что та, продолжая что-то шипеть себе под нос, отошла недовольно качая головой.

Помянуть покойную поехали не все: «внушительный родственник» торопился на неотложное совещание, кому-то именно в это время необходимо было встречать тётю, другие сослались на срочные дела. В белом тупорылом автобусе сразу стало ещё свободнее. Кроме Ивана Мартыновича, ехали: Зинаида, сын Марии Александровны Виктор с женой Валей, узколицая женщина и те двое с работы, но, самое главное, не было тёти Маши или даже того, что осталось от неё, того, что везли они сюда в этом же автобусе, охраняя от тряски... Нина украдкой всё посматривала на Ивана Мартыновича, он был какой-то сторбленный, жалкий. Через

несколько месяцев он собирался отмечать свой восьмидесятилетний юбилей, а на будущий год их с тётей Машей серебряную свадьбу. И вот теперь...

Нина очень хорошо помнила, ей было уже двенадцать лет, как однажды т. Маша пришла встречать к ним Новый год, пришла не одна. Иван Мартынович произвёл на всех родственников очень благоприятное впечатление. Он был высокого роста, очень подтянутый, с невероятно длинной шеей, которую венчала небольшая, с коротко подстриженными ёжиком седыми волосами, голова. Его можно было бы назвать довольно интересным мужчиной, правда, нос был чуть-чуть великоват. Держался он не по годам прямо, и движения его были немного замедленные, вальяжные. Его сразу же все окрестили «гусаком», но без всякой насмешки или злобы. По уже сложившейся традиции праздники и, особенно Новый год, встречали в семье младшей сестры Веры – Нининой мамы.

Их было трое сестёр: старшая Шура, средняя Маша и младшая – Вера. Шура после смерти мужа жила вместе с дочерью, вернее, в её квартире, так как дочь с своим мужем – дипломатом почти безвылазно находилась где – то за границей. Маша жила с сыном Виктором на Маросейке в небольшой комнатухе огромной коммунальной квартиры. И только Вера к тому времени была благополучнее сестёр, её муж капитан первого ранга, душа и гордость семьи, недавно получил новую отдельную двухкомнатную квартиру. По меркам наступающего шестидесятого года – это были хоромы.

Как все радовались за Машу! Наконец- то, после долгого послевоенного вдовства, Маша, воспитавшая одна Витю, досмотревшая свою парализованную свекровь, наконец, Маша выходит замуж! «Вот и на её улице праздник!» – сказала тогда обрадованная за сестру Шура.

Войну Маша встретила с годовалым Витей на руках, замуж она вышла рано, специально-сти никакой у неё не было. Семью кормил муж – лётчик. Естественно, на фронт его призвали сразу же, по первому набору. Через месяц Маша получила похоронку. Вместе со свекровью и маленьким сыном осенью пришлось эвакуироваться в Челябинск, помогло Командование. Там Маша устроилась работать посудомойкой в столовую при крупном, тоже эвакуированном из Москвы, заводе. Работала она хорошо, аккуратно, её перевели сначала в официантки, потом, заметив как она отлично готовит, в повара. Когда она вернулась в Москву с заводом, ей предложили стать Заведующей столовой. Так состоялась её нехитрая карьера. Положением своим она никогда не злоупотребляла, и всё же эта её должность позволяла им как-то безбедно существовать: свекровь и Витя были всегда накормлены. Году в 1955 её перевели работать в столовую при Министерстве авиационной промышленности. На работе Маша, теперь уже Мария Александровна, пользовалась безукоризненной репутацией честного и принципиального работника, она сама была дисциплинированным человеком и своему подчинённому, небольшому коллективу спуска не давала. Её любили, уважали, но и побаивались. Несунам поблажек не давала. Иван Мартынович работал в том же Министерстве, что и Мария Александровна. Он был чиновником среднего звена, войну провёл так же в эвакуации. Ежедневно обедая в этой самой столовой, он уже давно засматривался на полную цветущую блондинку. Как только она появлялась в зале в белоснежном развевающимся халате, идя своей царственной походкой, весь персонал вытягивался по струнке. Жена его, проболев много лет, недавно умерла. Иван Мартынович быстренько навёл справки относительно красавицы Заведующей, узнал, что она вдова, ей 45 лет, у неё есть уже взрослый сын – студент. Иван Мартынович решительно не переносил дискомфорта холостой жизни, поэтому недолго, но красиво поухаживав, сделал Маше предложение руки, сердца и своей двадцатиметровой комнаты в коммунальной квартире с одним соседом. Ивану Мартыновичу было тогда, пятьдесят пять лет, вполне здоровый, ещё крепкий мужчина, да и комната его очень пришлась кстати. Витя давно, ещё с первого курса, дружил с девушкой Валей, они любили друг друга, но жить было негде, и разговор о женитьбе всё откладывался на неопределённый срок.

Своей интеллигентностью и обходительностью Иван Мартынович произвёл на Машу вполне благоприятное впечатление и, очевидно взвесив все ЗА и... а ПРОТИВ, в общем-то, и не было, Мария Александровна согласилась.

Встретив в семейном кругу Новый 1960 год, познакомившись с ближайшими родственниками с одной и с другой стороны, весной они узаконили свои отношения, и Мария Александровна переехала жить к мужу. Вскорости и Виктор с Валей поженились. Жизнь пошла своим чередом.

Детей у Ивана Мартыновича никогда не было, а сын жены с невесткой его мало интересовали. Мария Александровна все свои заботы и внимание целиком и полностью посвятила мужу. Он оказался очень педантичным и не терпел ни малейшего запоздания, она стрелой неслась с работы домой, чтобы не дай Бог не опоздать с ужином или ещё что-то не успеть, или забыть. Зимой по воскресеньям он обыкновенно ходил на лыжах, а весной и осенью проходил оздоровительный плавательный курс в бассейне. При малейшем недомогании он укладывался в постель и все предписания врачей выполнял неукоснительно. Естественно, жена крутилась вокруг него с удвоенной скоростью. Сама Мария Александровна болеть возможности при этом не имела, она с присущей ей энергией успевала делать всё и на работе, и дома: готовила много и вкусно, порядок в доме поддерживала идеальный. Все знакомые и родственники считали, что Ванечке с женой очень повезло. Когда оба они появлялись на семейных торжествах, Нина всегда любовалась этой, удивительно подходящей друг другу, парой – он молодцевато подтянутый, высокий и холёный, она – всегда радостная, яркая, значительная своей полнотой. Их так и звали «Иван да Марья», и это тоже было как бы символично. Иван Мартынович никогда не курил, а Маша, привыкнув ещё с войны, с сигаретой не расставалась. Она была единственной курящей женщиной в семье, поэтому Нинина мама только ей разрешала закурить прямо за столом в комнате, а не выходить с мужчинами на лестничную площадку. Мария Александровна обыкновенно курила дорогие сигареты, элегантно откинувшись, чуть прищурившись, затягивалась, и даже эта её небольшая слабость выглядела так грациозно, что Нина благоговейно наблюдала за ней и восхищалась. Тётя Маша была её кумиром. Под конец гулянья «гусак» всегда пел, голос его был до умопомрачения противный, эдакий «задавленный» тенор, но он им очень гордился, и этот ритуал всеобщего прослушивания его репертуара и изображения необыкновенного внимания и восхищения на лицах уже подуставших гостей, никогда не нарушался. «Ради Марии можно выдержать и это маленькое неудобство», – говорила обычно мама т. Шура, та только усмехалась.

Два раза в год: на Масленицу и на День рождения Ивана Мартыновича, Полонские собирали гостей у себя. Стол был всегда изысканный и обильный. Мария Александровна с профессиональным и врождённым мастерством готовила необыкновенные блюда. Иван Мартынович ужасно гордился женой, особенно перед своими родственниками и, походя ещё больше на довольного гусака, пел обыкновенно в два раза дольше. Лет семь назад, когда они отработали все мыслимые и немыслимые сроки в своём Министерстве, им, наконец, выделили небольшую двухкомнатную квартиру в Октябрьском переулке, как раз напротив МИИТа, который заканчивала Нина, и где позже она частенько бывала по долгу службы. Поэтому иногда Нина забегала проведать столь обожаемую ею т. Машу. Тётя Маша встречала её в неизменно шикарном атласном халате и с обязательно напудренным носиком, она и в столь будничной обстановке, и в уже немолодые свои годы, была неотразимо привлекательной женщиной.

И вот теперь Нина, как прежде, была в доме у Полонских. Тот же шикарно накрытый стол, та же безукоризненная чистота и Иван Мартынович, подобающе сидящий на своём месте хозяина дома – в торце стола – всё то же, а т. Маши нет. И кажется, что она просто до сих пор суетится на кухне и вот – вот войдёт в комнату.

Так получилось, что обеих Машиных сестёр на похоронах не было. Уже совсем пожилая, с больными отёчными ногами Шура сторожила в очередной раз дачу своих, вечно пребываю-

щих за границей детей, в Валентиновке. А Вера, Нинина мама, лежала в больнице с тяжелейшим инфарктом. Нина даже не решилась ей сказать о постигшем семью горе и, не представляя, как она сможет вообще это сообщить.

Мария Александровна три недели назад перенесла инсульт и ненадолго придя в себя, так и не сумев оправиться, скончалась дома. За ней всё время ухаживала невестка Валя, взяв на работе отпуск за свой счёт и поручив, их с Виктором семилетнюю дочку Алёнку, своей маме, специально переехавшей к ним, когда случился весь этот кошмар. Домой Валя появлялась поздно вечером, переделав всё необходимое, ухаживая за любимой ею свекровью. Иван Мартынович к жене подходил редко, ссылаясь на недомогание. Впрочем, это было естественно.

Нина сидела справа от Ивана Мартыновича. Напротив Нины, слева от него сидела узколицая его родственница, имени которой Нина никак не могла вспомнить, рядом с ней села Зинаида, не снимающая свой чёрный платочек, потом Валины подруги, готовившие стол пока все были на похоронах. Около Нины сели две сослуживицы т. Маши, Виктор и Валя оказались в самом конце стола, далеко от Нины и это её немного огорчило, рядом оказались малознакомые люди, не считая самого Ивана Мартыновича. С опаской и напряжением Нина невольно почувствовала некую ответственность за него. Он ведь был уже в таком преклонном возрасте, что могло произойти всякое, день не по – весеннему был жаркий, и в небольшой гостиной было душно. Нине всё казалось, что ему так плохо, и он вот-вот расплечется. Он беспокойно всё время смотрел на часы, и как-то тревожно суетился. Нине самой было до того скверно, что она едва сдерживала себя, провоцирующий комок в горле никак не хотел исчезнуть. «А ему-то, Господи, ему-то каково, ведь он уже совсем старик, теперь совсем одинокий, никому ненужный, как же это должно быть страшно, как он будет теперь жить?» – Нина чувствовала, что теперь уже и от жалости к нему заревёт.

Вдруг раздался телефонный звонок, Иван Мартынович неожиданно легко поднялся, извинился и вышел в другую комнату. Через несколько минут как – будто чем – то успокоенный вернулся. Нина ничего, не понимая, сидела, ждала, когда уже все рассядутся, и начнётся эта обязательная поминальная трапеза. Иван Мартынович встал, взяв в руку стопку с водкой, начал говорить. Нина волновалась за него, ей казалось, что ему-то говорить было труднее всех, что он собьётся от переполнявшего его горя. Но он на удивление чётким и ровным, даже чересчур спокойным голосом, начал: «Сегодня мы проводили в последний путь нашу дорогую Машу...» – дальше Нина почти уже ничего не слышала, она была потрясена его выдержке и не понимала достойно ли это восхищения, или это что-то другое, совсем не укладывающееся в её голове. Потом он с очевидным удовольствием стал накладывать себе в тарелку салаты, рыбу, колбасу и есть с огромным здоровым аппетитом, который она могла наблюдать много раз на других застольях и, который показался ей довольно странным в данной ситуации. Тоже самое проделывали и узколицая с богомольной Зинаидой, они ели и обсуждали каждое блюдо, сравнивая его качество с Машиным, поскольку сегодня стол готовили другие. Нина сидела всё так же молча, оторопев, украдкой поглядывая в конец стола, где Виктор, с чувством опрокинув очередную рюмку, хмуро и устало смотрел на всё происходящее. В глазах его стояли слёзы, и Нина видела с каким трудом он всё это выдерживает и как ему хочется, что бы всё это поскорее закончилось. Валя, очевидно, переживала то же самое, но приходилось терпеть, так как ей ещё предстояло всё убирать.

Побыв для соблюдения приличия ещё с полчаса, Нина, сославшись, и это была правда, что ей нужно к маме в больницу, поднялась и, поцеловав на прощанье Ивана Мартыновича, собралась уйти. Виктор пошёл её проводить к лифту, а заодно и покурить. – Витя, мне никак не верится. Бедная т. Маша, как же её будет нам всем не хватать! А Иван Мартынович, он же такой уже старый! Он – то как теперь? Что делать? – Нина прикурила от протянутой Виктором зажигалки.

– Боже мой, Нина! Маму не вернуть, так уж жизнь наша непредсказуема... А он? ... Я про него даже слышать не могу! Это же не человек, неужели ты так наивна, что ничего не замечала? – губы его тряслись, он чуть не плакал.

– Что не замечала? Я действительно чего – то не понимаю, наверное.

– Да доконал он её, эгоист этот махровый! Как же я его ненавижу, Господи! Да, что ты о нём – то беспокоишься? Он ещё всех нас переживет, вот увидишь! Лет пять назад приезжал его родной брат, из Воронежа. Так он у нас с Валею останавливался. Алёнка была ещё маленькая, а мы жили на Маросейке в коммуналке. Но мама нас попросила, потому что этот хрен, видите ли, отказал. Матери было стыдно, а ему нет. А они ведь уже получили к тому времени эту квартиру. Покой его, видите ли, нарушать нельзя! Брата он не видел больше сорока лет, собственно, мы и не знали, что у него есть брат. Он, Иван, ведь уехал в тридцать третьем году из дома, отказавшись от семьи, их раскулачили, брата посадили, родители его пухли с голоду где – то под Надежденском, там они и умерли.

А он, работник хренов, всю жизнь на тёплых местах бумажки перебирал. Брат из тюрьмы в штрафном батальоне всю войну провоевал, контуженый, чудом уцелел. Мужик, скажу тебе, что надо, даже не верится, что они родные. И в Москву ведь приезжал награду получать. А эта, гнида, его не принял, – Виктор с чувством выругался. Нина никогда не видела брата таким возбуждённым.

– Витя, ну ведь, это было давно, может, он и раскаялся, – Нине стало неловко от только что услышанного. Она понимала, что двоюродный брат убит свалившемся на него горем, потерять, так любимую им мать, даже в его 45 лет было тяжело. И, конечно, выпивши, он хотел найти кого-то виновного в её смерти. К отчиму он, по – видимому, тёплых чувств никогда не испытывал, и сейчас вот, матери не стало, а он, отчим, жив и здоров, хоть и старше её на десять лет. Нине захотелось, как – то смягчить этот трудный разговор.

– Но он, ведь уже старый и беспомощный... – пыталась продолжить она.

– Да что ты всё «старый, беспомощный»! Где мой отец, я его даже не видел никогда, он погиб в первый же месяц войны. А твой? Четыре года в плавучем гробу – на подлодке провоевал, лёгкие себе все повредил, еле-еле до шестидесяти дотянул, от рака умер. А дядя Серёжа, муж т. Шуры? Он был с заводом в эвакуации, специалист был от Бога, сколько раз подавал прошение, чтобы на фронт отправили, но он был нужен в тылу. Работал по двадцать часов в сутки, спал прямо в цеху. Он же такой талантливый инженер был, умер в пятьдесят от злокачественной гипертонии.

Это всё война. Я понимаю. Откуда у них здоровье – то возьмется? А эта гнида? Первая жена его только медицинститут окончила, война началась, и она, девчонка, с первых же дней сама попросилась, её даже вызвать не успели. Погибла... дошла с войсками до Бухареста, столько жизней другим спасла, а сама погибла. А он, наш любезный, сразу же какие-то справки себе нашёл, плоскостопие что ли или ещё чего... ты видела, как он в свои восемьдесят с плоскостопием на лыжах гоняет? Посмотри, ахнешь. А из эвакуации он уже с новой женой прикатил. Она забеременела, а он пелёнки – распашонки, визг – писк не любил, как же он же уникальный, всё только для него! Заставил её криминальный аборт сделать. Тогда, после войны, ведь аборт были запрещены. Вот она инвалидом и осталась, только это его не смущало, и совестью он не мучился, всё равно обихаживала его, пока совсем не слегла, а когда слегла, думаешь он за ней ухаживал? Дудки, он её в дом инвалидов определил, она там таблеток напилась и с собой покончила, чтобы Ванечку не обременять, да и от обиды... – Виктор вздохнул, и закурил новую сигарету. Нина ошалело смотрела на него.

– Ну что ты, совсем ничего этого не знала? Да, наверное... откуда ты могла знать. Это как – то Зинаида разоткровенничалась, она всё про него знает, – Откуда? Она же ещё не такая старая, ну в смысле, она же ему кажется племянница? Она ж с ним не жила никогда, откуда ей знать? Может не всё правда? – со смутной надеждой спросила растерянная Нина.

– Если бы! Зинаида – дочь его двоюродной сестры, а отец её работал в КГБ. Так что, правда, всё это к бо-о-льшому сожалению, дорогой мой Нинок. Вот её и понесло грехи за всю родню замаливать.

– А тётя Маша об этом знала? Ну, о жёнах, например... неужели так сильно любила?

– Да ничего она не знала! Верила каждому его слову. Ну и кто же ей бы правду сказал, да и зачем? Зинаида не болтушка, а я когда узнал, они уже долго жили и жаль мне маму было. Она ведь столько лет одна была, я думал пусть всё остаётся, не моё это дело. Он и так из неё все соки выжимал, а тут ещё прошлого не хватает... Так, что он сегодня третью жену схоронил, ему не привыкать... – горько усмехнулся Виктор. – Ты заметила, наверное, он всё на часы смотрел?

– Ну да, заметила, я думала это он от волнения, как не в себе.

– Ну-ну, не в себе, ещё как в себе! Именно в себе и только о себе. Его радикулит прихватил – после бассейна продуло. Мама лежит парализованная, а у него бассейн! Так он и на кладбище всё волновался, успеет ли домой вовремя – из поликлиники сестра должна была прийти, укол ему сделать. Он и успокоился только, когда она позвонила, что придёт попозже. Ну, ладно, сестрёнка, тебе ехать пора, ещё ведь к тёте Вере в больницу. Ты ей пока не говори ничего, потом, когда домой выпишется, тогда и скажешь. Привет ей большой от нас с Валея передавай, мы её очень любим скажи, и пусть скорее поправляется.

Нина вышла из подъезда в шоковом состоянии и была даже рада, что больница находилась на другом конце Москвы. Было время прийти в себя от всего этого такого трудного дня.

Иван Мартынович вскоре уехал в Министерский санаторий, куда ему, как ветерану Войны, местком выделил путёвку «для поправки здоровья и в связи с тяжёлой постигшей его утратой». Вера Александровна через месяц, когда угроза для жизни миновала, выписалась домой. Осторожно Нине всё же пришлось рассказать матери о такой скоропалительной кончине сестры. Вера, конечно, очень разволновалась, но всё же как-то смогла перенести такое ужасное известие, ежедневно они переговаривались с Шурой по телефону и поддерживали этим друг друга. Приехав из санатория и узнав, что Вера уже дома, Иван Мартынович нанёс визит вежливости. Они о чём-то недолго поговорили с Нининой мамой пока Нина в гостиной накрывала на стол. Вере Александровне врачи ещё не разрешали вставать с постели. Потом Иван Мартынович долго сидел с Ниной за накрытым столом, как всегда ел с аппетитом, пил чай и объяснял Нине, что он потому такой здоровый, что с детства много работает, не имеет вредных привычек и всячески следит за своим организмом. Нина делала вид, что внимательно слушает все его наставления, а в голове её проносились мысли о преждевременно ушедшем отце, о больной матери, о т. Шуре с отёчными ногами-колодами из-за долгого сидения за швейной машинкой, о недавно похороненной им жене... все они получалось порочные бездельники.

Нина, прикрыв рот ладонью, зевнула, в её душе не было к этому старому человеку даже презрения, была всё равно жалость.

В начале июля, когда маму можно было уже оставить одну, Нина поехала на дачу в Валентиновку, навестить тётю Шуру. У неё как раз был недавно День рождения, и Нина повезла подарки от себя и от мамы, купила букет цветов и торт. Тётушка, конечно, была страшно рада видеть племянницу, они долго обо всём говорили, вспоминали то счастливое время, когда все были живы и здоровы, как весело справляли у Веры Новые года, а у Маши масленицы.

– Да, Нина, а ты знаешь последнюю новость!?! – тётя

Шура победно посмотрела на племянницу. Новость эту, конечно, никто ещё знать не мог, так как сама Александра Александровна узнала её за полчаса до Нининога приезда.

– Только смотри, в обморок не упади, – и она хитро подмигнула, – «гусак» – то, наш женится!

– Ты что, тётя Шур, ведь недавно ещё только сорок дней прошло. С чего ты это взяла? Бред какой-то.

– Ну, бред не бред, а женится.

– Он сам тебе сказал что ли? – тут только до Нины дошёл весь смысл сказанного.

– Нет, не сам. Невеста сказала. Они уже и заявление подали, всё по правилам... Это Лера – женщина, которая ко мне приходила по хозяйству помогать. Сама-то я в магазин сходить не могу, не убрать толком, не постирать. У неё, у Леры здесь тоже дача неподалеку. Она сначала мне по-соседски помогала, а потом, когда Люся из Англии в отпуск приезжала, то договорилась с ней уже серьезно за плату. Она согласилась, ей жить негде. Квартира в Москве маленькая, живут там ещё сын с невесткой, у них и так двое детей, третьего ждут. Летом ещё ничего: она с детьми на даче, а зимой так она там совсем лишняя. И дача у них холодная, не то, что наша. В общем, приезжал тут «гусак» как-то меня навестить, а Лера у меня в это время была. Ну, поговорили мы, Марусю вспомнили. Он сидит, жалуется, ноет как ему плохо, тоскливо одному. И я расстроилась, мне Маши безумно не хватает, жалко её, ведь она моложе меня и так неожиданно умерла... Вдруг я заметила, что он всё говорит и на Леру поглядывает. А потом, она к себе ушла, а он потихоньку так всё про неё и выспросил.

Я, правда, тогда ничего такого и не подумала. Вдруг «гусак» приезжает через два дня, потом каждый день почти ездить начал. «Мне, говорит, в Москве жарко, а у тебя тут, как в раю». Ну, она же, Лера, тут тоже всё время со мной, провожать его до станции стала. А сегодня утром пришла и говорит: «Извините, Сан Санна, мне ваш зять предложение сделал. Я до конца лета у вас побуду, а потом к нему перееду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.